

в среде самих юристов, так и в философско-правовой литературе. При этом выявился и тот широкий горизонт в контексте, которого фиксируются отличия данного этапа – от доклассического и классического до современного, который в свою очередь может быть отнесен к неклассическому, либо уже к постнеклассическому этапу.

А вот что касается собственно критериев отнесения к неклассическому этапу, как теоретического порядка, так и отличий, вытекающих непосредственно из правового опыта, то представленное многообразие подходов, безусловно, являет собой лишь малую толику существующих позиций, каждая из которых имеет вполне убедительную аргументацию, а значит, отражает какие-то аспекты интересующего нас феномена – неклассического правоведения.

СТАТУС СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ: КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ (ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

О. А. Козырева, В. А. Сухарева

*магистрантки 2 курса направления «Философия»
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

В последние десятилетия в отечественной философии выделилась в особый подраздел эпистемологии такая дисциплина как социальная эпистемология. Ее теоретическим ядром, по заявлениям самих представителей этого направления, является «тезис о социальной природе и социальной обусловленности познания»³⁰². Более того, данная область эпистемологии получила институционализированную форму в рамках созданного в 2005 г. Сектора социальной эпистемологии в Институте философии РАН³⁰³.

Идейными создателями социальной эпистемологии являются зарубежные мыслители, к числу которых относят Дэвида Блура³⁰⁴, Стива Фуллера³⁰⁵, Элвина Голдмана³⁰⁶. Работы этих и других, менее

³⁰² Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. С. 5.

³⁰³ См.: Электронный ресурс. URL: iph.ras.ru/soc_epist.htm.

³⁰⁴ Bloor D. Science and Social Imagery. Chicago, Illinois, University of Chicago Press, 1991. 203 с.

³⁰⁵ Fuller S. Social Epistemology. Indiana University Press, Bloomington / Indianapolis, 1988. Xv + 316 с.

³⁰⁶ Alvin I. Goldman, Knowledge in a Social World. Oxford: Clarendon Press. (1999), xiii + 407 с.

известных, авторов, к сожалению, пока не переведены на русский язык. Из периодических изданий, посвященных данной тематике, обычно выделяют журналы «Episteme» (Великобритания), «Science in Context» (Израиль – США) и «Social Epistemology» (США).

На российской почве проблемам социальной эпистемологии посвящены работы таких исследователей, как И. Т. Касавин³⁰⁷, Д. И. Дубровский³⁰⁸, Э. И. Колчинский³⁰⁹, Е. О. Труфанова³¹⁰, Н. В. Мотрошилова³¹¹, В. Н. Порус³¹², Ю. С. Моркина³¹³ и др. Недавно вышла в свет объемная коллективная монография (под ред. И. Т. Касавина) «Социальная эпистемология: идеи, методы, программы»³¹⁴, состоящая из 32 глав, большая часть которых представляет собой статьи, опубликованные в последние годы в журнале «Эпистемология и философия науки».

В целом, можно отметить, что отечественная литература по социальной эпистемологии на данный момент не может дать целостного представления о данной дисциплине и носит, по большей части, обзорный или реферативный характер. Вместе с тем, первоисточники остаются недоступными для российского читателя, за исключением всего лишь нескольких переведенных статей западных лидеров социальной эпистемологии³¹⁵.

Несмотря на большое количество отечественных исследователей (часть из которых упомянута выше) и в связи с этим разнообразие трактовок того, что собой представляет социальная эпистемология, в российской литературе доминирует позиция И. Т. Касавина – заведующего Сектором социальной эпистемо-

³⁰⁷ Касавин И. Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 5–15; Касавин И. Т. Знание и социальность // Эпистемология и философия науки. 2006. № 2. С. 89–93.

³⁰⁸ Дубровский Д. И. Эпистемология: некоторые вопросы и критические соображения // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4. С. 69–87.

³⁰⁹ Колчинский Э. И. Наука, власть и общество в периоды кризисов: историко-сравнительный анализ // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 132–148.

³¹⁰ Труфанова Е. О. Единство и множественность в социальном генезисе знания // Эпистемология и философия науки. 2006. № 4. С. 154–166.

³¹¹ Мотрошилова Н. В. Социальная эпистемология: новые проблемы, дискуссии и дихотомии // Мотрошилова Н. В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический проект, 2012. 376 с.

³¹² Порус В. Н. На мосту интерпретаций: Р. Мертон и социальная эпистемология // Социология науки и технологий. 2010. № 4. С. 102–115; Порус В. Н. Как возможна социальная эпистемология? // Эпистемология и философия науки. 2007. № 4. С. 39–42.

³¹³ Моркина Ю. С. «Веритистское» направление в социальной эпистемологии (Э. Голдман) // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 28–30.

³¹⁴ Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010 712 с.

³¹⁵ Фуллер С. Социальная эпистемология университета: как сохранить целостность знания в т.н. обществе знания // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 158–186.

логии Института философии РАН. Он считает, что социальная эпистемология – это постнеклассическая теория познания, которая стремится преодолеть противопоставление классического и неклассического подходов в эпистемологии³¹⁶. По его мнению, это противопоставление свойственно западным родоначальникам социальной эпистемологии, а отечественный проект способен выйти на принципиально иной уровень исследований, содержательной конкретизацией которого являются четыре основополагающих тезиса: антропологизм, рефлексивность, критицизм и идеал истины³¹⁷.

На сайте Института философии РАН в разделе «Сотрудники» Сектора социальной эпистемологии на персональной странице И. Т. Касавина указано, что социальную эпистемологию отличают от классической теории познания три основные характеристики: «онтологический вопрос об особенностях социокультурной ситуации производства, функционирования и применения знания»³¹⁸, «эпистемологический вопрос о таких способах исследования познавательных процессов и категориальном аппарате, которые базируются на первостепенном значении культуры и социума»³¹⁹, и «прикладная ориентация социально-гуманитарного знания на разработку способов решения социальных задач»³²⁰. Однако на основании вышеперечисленных характеристик убедительного ответа на вопрос о том, почему же все-таки следует рассматривать социальную эпистемологию как постнеклассическую (или даже как неклассическую, ведь речь идет об отличиях от классической теории познания) дисциплину, нет.

По этой причине – вслед за Д. И. Дубровским, подвергшим в одной из своих статей³²¹ данное направление критическому анализу – мы также задались вопросом о принципиальной новизне этой области эпистемологии и ее реальном статусе. Для того, чтобы разобраться в этой нелегкой проблеме, сначала необходимо провести анализ концепций «первооткрывателей» в области социальной эпистемологии. С этой целью мы решили обрисовать идейные позиции Э. Голдмана и С. Фуллера – тех авторов, которых больше всего цитируют отечественные специалисты в области социальной эпистемологии.

³¹⁶ Касавин И. Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 15.

³¹⁷ Там же. С. 14.

³¹⁸ Касавин И. Т. [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/kasavin.htm> (дата обращения: 15.12.2015).

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же.

³²¹ Дубровский Д. И. Социальная эпистемология: некоторые вопросы и критические соображения // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4. С. 69–87.

Позиция Элвина Голдмана в концентрированном виде представлена в его статье по социальной эпистемологии в Стэнфордской философской энциклопедии. Он пишет о том, что под эпистемологией вообще понимается «исследование знания и обоснованного убеждения»³²², а социальной она становится благодаря тому, что знание и обоснованное убеждение носят исторический и социальный характер. Э. Голдман отмечает, что социальная эпистемология является прямой наследницей классической эпистемологии с ее категориями истины, обоснованности и рациональности. Разделяя с ней одни и те же методологические основания, она, однако, преодолевает ее индивидуалистический характер, заключающийся в пристальном внимании к «индивидуальным агентам и их доксистическим позициям или установкам»³²³, и стремится «вернуть» этого индивидуального агента в социальное окружение.

Уже в своей программной работе «Knowledge in a Social World» Э. Голдман представляет классификацию эпистемологических исследований по методологическим основаниям. Так, в эпистемологии существуют два главных направления исследований – веритистская эпистемология (*veritistic epistemology*; от лат. слова *veritas* – «истина») и «верифобская» эпистемология (*veriphobic epistemology*). Примирить их между собой невозможно, так как первая признает объективный характер истины и понимает знание как истинное убеждение, а вторая видит в истине социальный конструкт и рассматривает знание как институционализированное, легитимизированное в социальной практике убеждение.

В рамках первого направления разрабатываются две ветви эпистемологии – индивидуальная эпистемология и социальная эпистемология, которых объединяет не только общее методологическое основание, но и главный вопрос: «Какие практики оказывают сравнительно благоприятное влияние на знание в противоположность ошибке и невежеству?»³²⁴. По словам Э. Голдмана, «индивидуальная веритистская эпистемология задает этот вопрос для несоциальных практик; социальная веритистская эпистемология – для социальных»³²⁵.

Эпистемология, страдающая верифобией, в свою очередь, может быть только социальной, и к этому направлению относятся социальный конструктивизм, постмодернизм, прагматизм,

³²² Goldman A. Social epistemology // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social/> (дата обращения: 18.11.2015).

³²³ Там же.

³²⁴ Goldman A. Knowledge in a Social World. Oxford, 1999. P. 5.

³²⁵ Там же.

культурологические исследования (т. н. cultural studies) и критическая юриспруденция (т. н. critical legal studies)³²⁶. Представители этих взглядов отказываются продолжать классическую традицию в эпистемологии, берущую начало в картезианской философии, и «хотят представить социальные объяснения – будь то исторические или социологические объяснения – различных событий из области знания в социальной жизни и, прежде всего, в науке»³²⁷.

Это разграничение социальной эпистемологии на позитивную и негативную дает Э. Голдману возможность указать на своеобразие собственного проекта социальной эпистемологии, который, безусловно, является позитивной формой социальной эпистемологии, базирующейся на классических методологических основаниях. В отличие от хорошо знакомых нам подходов К. Манхейма, М. Шеллера, Т. Куна, М. Фуко и других философов подход Э. Голдмана носит классический характер: «Современная социальная эпистемология в значительной степени продолжает классическую эпистемологию. Она не видит необходимости отказываться или дистанцироваться от эпистемологических проектов прошлого. В конце концов, даже социальные практики могут стремиться – и зачастую стремятся – к обнаружению истины»³²⁸.

Э. Голдман выделяет три основные ветви позитивной/веритистской социальной эпистемологии. Первая связана с оценкой эпистемического качества индивидуальных докастических установок, в которых используются социальные доказательства. Под последними понимаются «доказательства, связанные с высказываниями, сообщениями, действиями или мыслями других людей»³²⁹. Вторая ветвь имеет дело с оценкой эпистемического качества групповых докастических установок, а третья – с оценкой эпистемических последствий принятия определенных институциональных соглашений по сравнению с возможным принятием альтернативных соглашений. Так, в качестве одной из иллюстраций последней ветви Э. Голдман указывает на социальную эпистемологию науки, которая изучает, как социальные аспекты существования науки влияют на ее эпистемические результаты.

Несмотря на то, что ясной трактовки понятия социального Э. Голдман не дает, его позиция в целом понятна. Мы видим,

³²⁶ Там же. Р. 7.

³²⁷ Goldman A. Social Epistemology: Theory and Applications // Royal Institute of Philosophy Supplement. 2009. Vol. 64. Р. 3.

³²⁸ Goldman A. Social epistemology // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social/> (дата обращения: 18.11.2015).

³²⁹ Там же.

что социальная эпистемология не претендует на звание «неклассической» или «постнеклассической» дисциплины, она отказывается считать знание социальным конструктом, а истину – результатом конвенции и стремится до последнего сохранить родство с классической эпистемологией. Идеи другого отца-основателя социальной эпистемологии – Д. Блура – сам Э. Голдман относит к негативной форме социальной эпистемологии и почти не уделяет внимания их раскрытию, что еще раз подтверждает тот факт, что «подлинной» социальной эпистемологией может именоваться лишь та дисциплина, которая сохраняет традиционное содержание понятий истины, обоснованности и рациональности.

Этот аспект классичности социальной эпистемологии сохраняется и в размышлениях отечественных мыслителей, когда они заявляют о необходимости наличия идеала истины, идеи активного познающего субъекта, рационалистической методологии и т. д.³³⁰. Но в таком случае непроясненным остается вопрос о том, каким тогда образом социальная эпистемология должна преодолевать пропасть между классической и неклассической эпистемологией (а именно так позиционируется проект социальной эпистемологии в отечественной литературе), если ей присущи основные характеристики первой, а от второй она стремится отмежеваться. В этой связи мы можем сказать, что отношения между российской социальной эпистемологией и ее зарубежной прародительницей оказываются еще более запутанными.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что подобные идеи о социальной обусловленности знания и познания уже высказывались в философии марксизма-ленинизма, которая в силу исторических обстоятельств была ведущей философской традицией в нашем обществе на протяжении многих лет. Тезис о социальной природе знания – один из центральных тезисов основоположников данной традиции, а идея о влиянии общества на процесс и результаты познания была положена в основание различных концепций теории познания марксистского толка. Познание рассматривалось как обусловленное практическими потребностями людей и вследствие этого носило социальный характер, поскольку практика является социальной по своему характеру деятельностью. Истина понималась амбивалентно: она субъективна, потому как без носителя, т.е. человека, существовать не может, но и объективна потому, что в своем содержании не зависит от деятельности или желаний этого самого человека и любого человеческого сообщества. Такие базовые положения

³³⁰ См.: Касавин И. Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 5–15.

марксистского подхода к знанию и познанию давали относительно большой простор для исследований в эпистемологии, серьезные результаты которых представлены в коллективной монографии под названием «Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы»³³¹.

Безусловно, современные отечественные мыслители, занимающиеся проблематикой социальной эпистемологии, хорошо знакомы с марксистскими идеями о социальной природе знания, что снова ставит вопрос о том, о какой содержательной новизне проекта социальной эпистемологии идет речь в их размышлениях. А попытки подвести (или заимствовать у зарубежных коллег) теоретическую базу под сложившуюся практику рассмотрения явлений в качестве обусловленных разными аспектами социальности кажутся несостоятельными на фоне существующих и «отлаженно работающих» концепций (марксизма, социологии знания, исследований в стиле М. Фуко, социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана и др.).

Более радикальную концепцию социальной эпистемологии, непосредственно претендующую на статус неклассической, представляет еще один идеолог социальной эпистемологии, американский философ-социолог Стив Фуллер.

Позицию С. Фуллера в отечественной традиции принято рассматривать как критическую по отношению к представленной концепции аналитической социальной эпистемологии в лице Э. Голдмана. Так, в частности, Л. А. Маркова в своей рецензии на книгу Дж. Колльера «On Twenty-Five Years of Social Epistemology. A Way Forward», рассматривая оценку полемики между Э. Голдманом и С. Фуллером, представленную Ф. Шмитом во вступительной статье к рецензируемой книге, отмечает, вслед за Дж. Колльером, что разница между этими подходами кажется не только неизменной, но и непреодолимой: «На мой взгляд, разница действительно большая, и задача не в том, чтобы сгладить ее. Необходимо найти пути установления взаимодействия между позициями С. Фуллера и Э. Голдмана, сохраняя их индивидуальность»³³².

С. Фуллер определяет проблематическое поле социальной эпистемологии, противопоставляя ее классической эпистемологии: «Я не занимаюсь проблемой знания, которую ставили перед собой классические эпистемологи <...> Ключевая проблема для меня –

³³¹ Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 1979. 280 с.

³³² Маркова Л. А. Рец. на кн.: On Twenty-Five Years of Social Epistemology. A Way Forward // Вопросы философии. 2014. № 12 [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1068&Itemid=52 (дата обращения 18.12.2015).

это производство знания: как определенные лингвистические артефакты (тексты) получают статус знания»³³³.

С точки зрения С. Фуллера, классическая эпистемология, в рамках которой принято рассматривать знание как некий сверхчеловеческий феномен, упускает одну из самых важных характеристик природы знания – человека и его эпистемические практики. Это происходит потому, что две философские дисциплины, которые занимаются вопросами природы знания – эпистемология и философия науки – опираются на два ложных допущения.

Во-первых, познание рассматривается как характеристика абстрактного индивида, находящегося в социальном вакууме. Описание социального знания, в свою очередь, конструируется на основании обобщенного описания индивидуального знания. Это допущение С. Фуллер называет «ошибкой суммирования».

Во-вторых, допускается существование некоторых универсальных схем вывода или некой универсальной логики обоснования, которые являются общими и обязательными для всех рациональных индивидов, и на основании которых достигается консенсус в тех или иных научных вопросах. Это допущение С. Фуллер называет «ошибкой разложения».

Оба допущения, как легко заметить, сводятся к общему основанию, а именно: классическая эпистемология не проблематизирует универсальность научного знания.

Здесь возникает как минимум две возможности поставить под сомнение универсальность знания, и, соответственно, две траектории рассуждения.

Первую возможность, согласно С. Фуллеру, реализует социология знания. Социология знания отталкивается от идеи иррациональности познавательной деятельности: социологи знания полагают, что познавательная деятельность не подчиняется никаким универсальным стандартам рациональности и полностью зависит от случайных факторов, имеющих социальное происхождение (иными словами, от уникальных социальных условий). Такую социологию знания, согласно С. Фуллеру, развивал Карл Манхейм, который считал, что основанием знания, если знание вообще может иметь какие-то основания, являются особенности конкретного общества.

Вторую возможность призвана реализовать социальная эпистемология, которая воздерживается от крайности, в которую впадает социология знания, и которая все же продолжает опираться на универсальную рациональность.

³³³ Fuller S. Social Epistemology. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press. First Midland Book Edition, 1991. P. XI.

С. Фуллер предлагает проблематизировать универсальность знания в кантовском ключе: он рассматривает знание как данность и ставит вопрос о том, как возможно универсальное знание, или что в социальном процессе позволяет добиваться консенсуса в науке, как индивиды, владеющие ограниченным объемом несовершенной информации организуют свою деятельность таким образом, что в качестве продукта этой деятельности они получают корпус работ, обладающих нормативной силой. Ответ на этот вопрос С. Фуллер предлагает искать в исследовании социальной структуры знания.

В этом смысле, можно сказать, что позиция С. Фуллера действительно отличается от позиции Э. Голдмана, поскольку С. Фуллер не пытается решать проблему истинности научного знания. С другой стороны, С. Фуллера нельзя причислить и к «верифобам» (*veriphobic* – от *Veritas* (истина) и *Phobos* (страх)) о чем он сам пишет в своей статье «*Social epistemology: A Quarter-Century Itinerary*»³³⁴.

В этом смысле интересно обратиться к полемике С. Фуллера с аналитической социальной эпистемологией. С. Фуллер критикует ведущего представителя аналитической социальной эпистемологии Э. Голдмана по нескольким пунктам.

Во-первых, присоединяясь к Уильяму Альстону, он критикует Э. Голдмана за то, что тот исключает из рассмотрения познавательных процессов сознание, как опосредующую инстанцию между научными, религиозными и другими суждениями. Та картина знания, которую мы получаем таким путем, ничем не отличается от знания машинного, и, тем самым, теряет свою специфику.

Во-вторых, С. Фуллер критикует методологию аналитической социальной эпистемологии: использование компьютерных моделей и гипотетических сценариев и отбрасывание методов и результатов эмпирических дисциплин, с точки зрения С. Фуллера, не может дать нам адекватной картины социальной структуры знания.

В-третьих, С. Фуллер указывает на то, что аналитическая социальная эпистемология, в действительности, упускает из вида социальный контекст производства и воспроизводства знаний. Так, чтобы понять *modus operandi* аналитической социальной эпистемологии, пишет С. Фуллер, нужно представить себе мир после ядерной катастрофы, в котором исчезли все библиотеки, и выжившие вынуждены восстанавливать знания по памяти.

Однако, главное возражение, которое С. Фуллер выдвигает против аналитического подхода в социальной эпистемологии, заключается в том, что он, как и классическая эпистемология,

³³⁴ Fuller S. *Social Epistemology: A Quarter-Century Itinerary* // *Social Epistemology A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. 2012. October. Vol. 26. № 3–4. P. 269.

начинает с рассмотрения познающего индивида и индивидуальной эпистемологии, восходя от частного к общему, и тем самым впадает в те же заблуждения, в которые впадает классическая эпистемология.

Представленная С. Фуллером оценка расхождения его собственной концепции социальной эпистемологии и концепции, которую предложил Э. Голдман, воспроизводится и другими зарубежными исследователями, в частности, Ф. Шмитом и Дж. Колльером, о которых мы упоминали выше. Ф. Шмит предлагает следующую характеристику дискуссии между С. Фуллером и Э. Голдманом: «Элвин Голдман рассматривает основания социальной эпистемологии как поле исследований, которое может дополнить индивидуальную эпистемологию. Он отстаивает такой подход к эпистемологии, когда она рассматривается как ориентированная на истину, против релятивизма, соглашения и культа экспертизы. Стив Фуллер, напротив, утверждает, что социальная эпистемология должна заменить индивидуальную эпистемологию и что она плохо сочетается с натуралистическим, психологическим, или даже историческим подходами к эпистемологии. Он демонстрирует несоответствие социологии науки и социальной эпистемологии»³³⁵.

Данная формулировка и данное противопоставление, однако, выглядят как минимум сомнительными в свете представленного выше анализа позиции Э. Голдмана. Э. Голдман, в сущности, повторяет тезисы С. Фуллера о необходимости преодолеть индивидуальную эпистемологию, когда пишет о том, что социальная эпистемология преодолевает индивидуалистический характер классической эпистемологии (см. выше). В этом смысле, замысел или проект социальной эпистемологии С. Фуллера в принципе совпадает с проектом социальной эпистемологии Э. Голдмана, а критика С. Фуллером социологии знания с ее принципом иррациональности познавательной деятельности и его опора на универсальную рациональность приближают его к классической эпистемологии.

В целом, обобщая рассмотренные проекты социальной эпистемологии, можно сказать, что статус данной области знания остается неопределенным. Оба автора, с одной стороны, представляют аргументированную критику классической эпистемологии, критику, которая, как мы постарались показать, разворачивается вокруг одной и той же идеи – идеи

³³⁵ Маркова Л. А. Рец. на кн.: On Twenty-Five Years of Social Epistemology. A Way Forward // Вопросы философии. 2014. № 12 [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1068&Itemid=52 (дата обращения 18.12.2015).

индивидуалистического характера классической эпистемологии. С другой стороны, и Э. Голдман, и С. Фуллер резко противопоставляют социальную эпистемологию откровенно иррационалистическим теориям, рассматривающим знание как социальный конструкт, а познание как социально-обусловленную деятельность.

Подобная неопределенность, как представляется, свидетельствует отнюдь не в пользу социальной эпистемологии, так как вопрос о статусе какой-либо дисциплины имеет смысл решать в рамках определения ее методологических оснований. Сегодня у нас имеются два таких основания для эпистемологических исследований: либо мы признаем объективный характер истины и знания, тем самым продолжая классическую традицию – что нам и демонстрирует Э. Голдман и С. Фуллер, либо присоединяемся к идее социальной обусловленности этих феноменов и работаем в рамках или социологии знания, или «археологии знания» М. Фуко, или «сильной программы» социальной эпистемологии Д. Блура. Введение же некоего промежуточного методологического основания – ведь только благодаря этому мы действительно смогли бы вести речь о постнеклассичности социальной эпистемологии – на данный момент выглядит довольно слабо.